
РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

S.L. Merzlyakov
The Cooperation between
P. A. Stolypin and the State
Duma III as an Example
of Relations between Authorities
and the Society
for Modern Russia

Features of the relations between the Prime Minister Stolypin and the State Duma are revealed. The problem of social and political bases provision for extensive reforms is stated.

Key words and word-combinations: authority, society, reforms, conservatives, revolutionists.

Показаны особенности взаимоотношений премьер-министра Столыпина с Государственной думой. Ставится проблема обеспечения социальной и политической основ масштабных преобразований.

Ключевые слова и словосочетания: власть, общество, реформы, консерваторы, революционеры.

УДК 94(47)«17/1917»:316.334.3
ББК 63.3(2)5+60.561.3

С.Л. Мерзляков

СОТРУДНИЧЕСТВО П.А. СТОЛЫПИНА И III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ КАК ПРИМЕР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сегодня, как и сто лет назад, российская власть оказывается перед историческим выбором: пойти в интересах развития страны на вынужденный компромисс с оппозицией или же использовать в отношении нее «силовое» принуждение. Вот почему опыт столыпинских преобразований, анализ личностного фактора и осознание социальной ответственности всеми участниками политического процесса чрезвычайно важны для достижения положительных результатов формирования всей политической системы в условиях непопулярных мер и преобразований, направленных, в первую очередь, на сохранение государственности.

Николай II управлял страной с помощью армии чиновников, уже в конце XIX в. насчитывавшей 455 тыс. человек. При этом система институтов государства была далеко не совершенна. В частности, Государственный Совет был законосовещательным органом, а кабинет министров, по сути, не являлся правительством, так как глава каждого ведомства подчинялся непосредственно императору. Деятельность государственных органов отличалась формализмом, полной бесконтрольностью чиновников. В сложившихся условиях усилилось оппозиционное самодержавию общественно-политическое движение. Первая русская революция заставила власть искать компромиссы, идти на трансформацию политической системы, создавать новые институты.

Однако, как показал опыт, сами по себе институциональные изменения не смогли разрешить имевшихся в российском обществе и государстве глубоких противоречий. Так, I Государственная дума, поставив вопрос о принудительном отчуждении помещичьей земли, превратилась, по мнению царя, в революционную трибуну. 9 июля 1906 г. она была разогнана, Николай II объявил о созыве II Думы, а Председателем Совета министров назначил министра внутренних дел П.А. Столыпина.

Состоявшиеся в январе – феврале 1907 г. выборы во II Государственную думу обеспечили успех левым партиям. Главным же в работе II Думы вновь стал аграрный вопрос, обсуждение которого приняло острый и нежелательный для правительства П.А. Столыпина характер. Возникла реальная угроза, что Дума не утвердит его указ от 9 ноября 1906 г., по которому крестьянин, пользовавшийся наделом земли на общинном праве, мог потребовать передачи данного надела в личную собственность. В связи с этим 3 июня 1907 г. были опубликованы Манифест о роспуске II Государственной думы и новый избирательный закон. В результате этих событий в III Думе ощутимо преобладали депутаты от помещиков и буржуазии; в ней образовался помещичье-буржуазный союз. По своему партийному представительству нижняя палата российского парламента явно «поправела». Эта Дума была более пригодна для использования в качестве инструмента в целях реализации планов и задач, которые ставил перед страной П.А. Столыпин.

В истории российского дореволюционного парламентаризма III Дума занимает особое место: она единственная, проработавшая весь определенный ей законом срок. В это время в России отмечается год от года набирающий силу подъем экономики и культуры; растет численность населения; осваиваются новые для земледелия районы страны; создаются промышленные центры; укрепляется курс рубля и обеспечивается бездефицитный бюджет; по благосостоянию населения страна входит в шестерку наиболее обеспеченных стран мира [1]. Некоторые исследователи связывают это с тем, что «успокоение общества» с помощью череды преобразований, отвлекавших от революционной борьбы часть масс, и создание народного представительства в лице «удобной» Думы позволили государству сконцентрироваться на решении задач внутренней модернизации. Но была и другая сторона медали: Россия продолжала оставаться страной резких контрастов. По-прежнему действовали чрезвычайные правила, введенные еще Александром III в самом начале его

правления как временная мера, но так и не принешие ожидаемого «успокоения» ни в деревне, ни в городе. Отказаться от чрезвычайных мер российская власть так и не смогла. Продолжалась практика внесудебных расправ, сохранялось социальное и правовое неравенство подданных, игнорировались справедливые требования трудящихся.

«Россия, – утверждал П.А. Столыпин с думской трибуны и, следовательно перед всей страной, – не может не быть недовольной; она недовольна не только правительством, но и Государственной думой и Государственным Советом, недовольна и правыми и левыми партиями... Недовольство это пройдет, когда обрисуется и укрепится русское государственное самосознание... И достигнуть этого возможно при одном условии: при правильной совместной работе правительства с представительными учреждениями» [2, с. 263–264]. Российская история свидетельствует, что при всей глубине понимания значения формирования «государственного мышления» премьер-министр оказался не услышан ни самими партиями, ни Думой, ни обществом, ни царем.

За пять лет существования III Дума рассмотрела и одобрила 2 197 законопроектов. Почти все они подготавливались правительством, за которым, по существу, безраздельно оставалось право «законодательного почина». При этом для Думы проекты П.А. Столыпина представлялись слишком консервативными, а для Государственного Совета, наоборот, – чрезмерно радикальными. «Прорваться» премьер-министру между такими Сциллой и Харибдой зачастую не удавалось, даже задействовав пресловутую статью 87 Основных законов Российской империи.

Несмотря на усилия П.А. Столыпина, среди принятых законов не оказалось важнейших, затрагивающих коренные интересы громадной массы населения, простого народа: о волостном земстве, о кооперации, о самоуправлении церковных общин (приходов), о введении земства в Сибири и других местах, где оно отсутствовало. Дума не внесла необходимых поправок в аграрную реформу с целью ликвидации ее административной односторонности. В значительной мере эти сбои в работе законодательного механизма объяснялись отсутствием взаимопонимания между Думой, Государственным Советом и правительством, о чем с горечью говорил П.А. Столыпин.

Кроме того, имелось другое неустрашимое размежевание: между левыми оппозиционными силами, с одной стороны, и лагерем монархии, с другой, имелось коренное расхождение в общей оценке ситуации в стране, а, следовательно и в оценке политических задач, определении стратегии государственного руководства.

Либерально-демократическая оппозиция, стоявшая на легитимных позициях, заявляла: в стране наступило «успокоение», и правительство Столыпина само признает этот факт как свое важнейшее завоевание. Следовательно, раз есть «успокоение», то, как и обещало правительство, должны последовать реформы. Необходимость реформ признавало и правительство, опасаясь, что в противном случае верх возьмут радикалы-социалисты, анархисты, прочие экстремисты, вся «мудрость» которых сводится к призыву: «Долой самодержавие!»

Только преобразования, считали правительственные реформаторы, могут ликвидировать корни «смуты», уничтожить «многоголовую гидру революции».

Позиция же монархического лагеря сводилась к отрицанию полного «упсложения страны», и следовательно сложившихся условий для реформ и причин для отмены методов чрезвычайщины в государственном управлении. Не случайно именно в связи с обсуждением в Государственном Совете одобренного Думой законопроекта о введении волостного земства Совет объединенного дворянства обратился к П.А. Столыпину со специальной запиской. В ней с прискорбием свидетельствовалось, что во многих местностях деревня и помещичья усадьба представляет собой два враждебных стана – «нападающих» и «обороняющихся», и делался общий вывод об отсутствии в стране условий для реформ. «Правые» демонстрировали убежденность, что «реформы сеют смуты», «способствуют анархии» и «разгулу страстей народных», «создают только дыры в правительственном лагере» [3, с. 2455; 4, с. 126–136, 159–160].

Думе так и не удалось стать консолидатором политических сил и предотвратить сползание страны к новому революционному потрясению. Ей не удалось пресечь процесс «размывания» законов – этот бич российской государственности, о котором с горечью говорили крупнейшие научные авторитеты страны [5, с. 148].

В свою очередь, правительство внимательно следило за деятельностью Думы и пресекало всякую ее попытку быть более или менее самостоятельной, пытаться расширительно истолковывать свои права. Тем не менее в летнюю сессию 1908 г. III Дума вошла в конфронтацию с Министерством финансов при обсуждении вопроса об ограничении продажи спиртных напитков. Не согласившись с предложениями Минфина, она поручила собственной комиссии выработать свой проект, но Сенат счел этот шаг Думы незаконным.

За время работы III Думы созданный в 1905–1907 гг. в России монархический законотворческий механизм показал свою недееспособность. Дума не могла, да и не очень стремилась отрегулировать или изменить его, выбить имевшиеся «законодательные пробки». Монархия же в лице Николая II, не отдавая себе в этом отчета, сама рубила последние возможности реформистского пути развития государства.

Даже имея в целом послушную Думу, правительство все же прибегало к правовому оформлению своих шагов путем издания не законов, а «высочайших указов», то есть актов императора. Так, именным указом были введены в действие «Правила о выделах надельной земли к одним местам». Закон, проведенный по ст. 87, получил одобрение обеих палат, но об этом при включении в Свод законов Российской империи упоминаний не делалось, а ведь речь велась о ключевом вопросе – о земле, о ломке привычного традиционного землепользования и, более того, образа жизни и мыслей подавляющего большинства российского населения.

Осведомленные вдумчивые современники отмечали, что на практике правительство стирает грани между указом и законом и верховное управление, как и в старой России, в любой нужный момент может пресечь законодателей. Против такого положения дел выступал сам П.А. Столыпин, который главную цель

проводимых реформ видел в превращении Российской империи в правовое государство, что и вызывало, по нашему мнению, главные трения между монархом и премьером.

Характерно, что не только видные общественные, научные деятели, известные противники режима, но и виднейшие сановники признавали нарастание авторитарных тенденций и всяческое пренебрежение Думой со стороны монархической власти. Отмечая нарастание авторитарных методов управления, систематического умаления прав не только «усеченного» в своем значении парламента, но и Совета министров, Председатель последнего В.Н. Кокцов писал: «В ближайшем окружении Государя значение правительства как-то ступшевалося, и все резче и рельефнее выступал личный характер управления государем... в ближайшее окружение царя все более и более внедрялось сознание, что Государь может сделать все один. Министры, не проникнутые идеей самодержавия, а тем более Государственная дума, вечно докучающая правительству своей критикой, запросами, придирами и желанием властвовать, – все это должно быть ограничено возможно меньшими пределами» [6, с. 215].

К концу существования III Думы император возродил старую практику управления путем заслушивания всеподданнейших докладов отдельных министров, по которым он принимал решения единолично. Он рассматривал министров как своих «докладчиков», готовивших материал для его решений. Министр просвещения в кабинете П.А. Столыпина, профессор А.Н. Шварц отмечал, что увлеченный идеей восстановления всевластия самодержца Николай II не очень стеснялся в отзывах и о Думе, и о Совете министров. Он не раз говорил лицам, которые советовали ему считаться с Советом министров и Государь: «Это мне, простите, наплевать» [7, с. 67]. Видимо, не только Думу, но и Совет министров император терпел с большим трудом.

Николай II был убежден, что такие крупные государственные деятели, как действовавший премьер-министр П.А. Столыпин, оставляли его в тени, подрывали устои его самодержавной власти. Не случайно при назначении В.Н. Кокцова председателем Совета министров, последовавшего в день смерти Петра Аркадьевича, император произнес: «Надеюсь, что Вы не будете заслонять меня, как Столыпин». Характерно и заявление императрицы новому премьеру: «Вы очень чтите память Столыпина и придаете слишком много значения его деятельности, его личности. Не надо жалеть так тех, кого не стало... Он уже окончил свою роль и ему нечего уже было более исполнять» [6, с. 66].

Умаление роли Совета министров и его Председателя со стороны «ограниченного самодержца» заставляет вспомнить замысел, положенный в основание конституционных реформ 1906 г. Одновременно с учреждением Думы и наделением ее законодательными функциями бесправный прежде кабинет министров преобразовывается в полномочный Совет министров, призванный сосредоточить в своих руках все дела по подготовке законопроектов – на долю же Думы оставалось «давать на них согласие». Так оно и шло, особенно во времена П.А. Столыпина, буквально завалившего Думу проектами реформ. Разработан-

ная П.А. Столыпиным программа преобразований, помимо аграрной реформы, содержала целый комплекс законопроектов, в том числе проекты преобразования системы местных органов, однако эти законопроекты не были одобрены Государственной думой. Миссия поддержки реформатора для нее оказалась непосильной задачей.

В Думе выдвинулась плеяда видных ораторов (Ф.И. Родичев, В.М. Пуришкевич, В.А. Маклаков, А.Ф. Керенский), но среди них, как показала история, не оказалось ни одного крупного политического деятеля, понимающего народ, обладавшего подлинно государственной мудростью и надлежащей силой воли. В свою очередь, личный фактор, присутствовавший во взаимоотношениях премьер-министра и нижней палаты российского парламента, негативно сказался на развитии институтов представительной демократии в России в целом.

Во времена премьер-министра П.А. Столыпина наладить продуктивную коммуникацию важнейших институтов государства так и не удалось, в результате чего произошел не только отказ от реформ, но и крах самой российской государственности. Вина здесь лежит не на только излишне авторитарной власти, но и на избыточно радикальном обществе. Ситуация треугольника «монарх – премьер-министр – дума» представляется не просто столкновением различающихся по своему характеру и содержанию интересов: она находит параллели в современной российской конфигурации политической системы, где одновременно действуют президент, премьер-министр, специфически понимающая свои задачи Государственная Дума и «партия власти», превращающая нижнюю палату современного российского парламента в подобие III Государственной думы Российской империи. Пассивность современной Государственной Думы, не желающей полномасштабно реализовывать свои полномочия, не испытывающей потребности в поиске взаимоприемлемых решений с исполнительной властью, лишь усугубляет ситуацию.

Сложившаяся сегодня в России схема организации политических отношений все более приближается к рассмотренному и столь нежелательному варианту разложения государственности. Следовательно, важно помнить о трагическом историческом опыте неконструктивного взаимодействия ключевых институтов верховной власти в Российском государстве, чтобы избежать негативного сценария развития событий в будущем.

Библиографический список

1. Российская империя до 1917 г. URL: <http://his.1september.ru/articlef.php?ID=200404205>
2. Речь П.А. Столыпина в Государственной думе 31 марта 1910 г. // П.А. Столыпин. Нам нужна Великая Россия. М., 1991.
3. Государственная дума. Третий созыв: стеногр. отчет. 1908, сессия 1, ч. 2. СПб., 1908.
4. *Герье В.* Второе раскрепощение. М., 1911.
5. *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской Империи 1906–1917 гг.: историко-правовой очерк. М., 1998.
6. *Кокорцов В.Н.* Из моего прошлого. М., 1992. Т. 2.
7. *Шварц А.Н.* Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994.